

ВЛАДИМИР ДЕНИСОВ

МОИ СОВЕТСКИЕ ГЕРОИ

За более чем 40-летнюю работу в печати, в том числе в двух ежедневных газетах – “Уральском рабочем” (Свердловская обл.) и “Советской России”, мне выпало общаться со многими людьми – на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, учебных заведениях, управленческих сферах, академических и отраслевых институтах, армейской среде и правоохранительных органах. Многие из собеседников подсказали интересные темы и сами стали героями публикаций. Из части напечатанного сложилась книга о моих героях – героях в литературном смысле, ведь приходилось писать не только об успехах, достижениях и подвигах. Эти сюжеты, полагаю, будут интересны и нынешним читателям: публикации об ушедшем времени, его людях, событиях, нравах, проблемах могут помочь глубже понять наше недавнее прошлое, чему-то научиться, а чего-то избежать. Ведь ещё древние считали: “Historia est maqistra vitae” – “История – учитель жизни”.

Предлагаю читателям фрагменты из моей новой книги.

СЕМЬЯ ЖДАЛА ВСТРЕЧИ 32 ГОДА

1. Бабушка и внук

Отворилась дверь в квартиру – нас уже ждали. Старушка в белом платке шагнула навстречу, несколько секунд смотрела на невысокого черноволосого мужчину, потом обняла его и заплакала: “Внучек!” А потом снова смотрела, узнавая в пришедшем черты своего сына. А её старшая дочь всё повторяла: “Наш он, мама, наш!”

Они ничего не знали друг о друге 32 года. В 1939-м трёхлетнего Володю Хамкина отец отдал в Дом ребёнка в Свердловске. Отдал временно: Георгий Григорьевич Хамкин служил действительную и, оставляя сына, сказал работникам: “Отслужу – сразу же заберу”.

До этого Георгий Хамкин жил в Первоуральске Свердловской области, работал киномехаником. В 1939-м ему было двадцать четыре года. А с женой у него жизнь не пошла. В Ирбите жила мать Георгия Анна Тарасовна, но отдавать ей сына Гоша не захотел: у самой, как говорится, семеро по лавкам, а мужа-слесаря после 1937 года не стало.

Но отец не успел забрать Владимира – началась война. В июле 1942 года старшина авиации Георгий Хамкин получил смертельное ранение. Володю к тому времени перевели в детский дом в Верхотурье, где он пробыл всю войну, а потом убежал. Проще всего осуждать десятилетнего мальчишку за беспризорную жизнь, да какой толк! Сейчас-то Владимир и сам понимает, по ка-

кой скользкой дороге шёл. И, наверное, тут не только его личная вина, а и тех воспитателей, кто не заметил “романтический” ветер в голове парнишки.

Он прошёл четырнадцать детских домов и приёмников – в Верхотурье, Свердловске, Камышлове, Манчаже, Красноуфимске, Сормове, Казани и других городах. Володьке встречались разные люди, были и равнодушные, и даже уголовники, но не они, в конце концов, определили судьбу парня. Умных, добрых, заботливых – словом, настоящих людей неизмеримо больше. А Владимир и сам давно понял опасности, подстерегавшие его, и стал, в конце концов, тем, кем он есть сейчас: уважаемым человеком, добросовестным рабочим, отцом четверых детей. Он несказанно благодарен многим воспитателям и нянечкам детских домов, тому милиционеру из Мордовии, который отдал ему телогрейку, оставшись на морозе без верхней одежды, и тем, кто по должности и по сердцу убеждал его выбрать иную жизнь – и, в конце концов, убедил! Фамилий этих людей Владимир не знает или не помнит. Да и свою-то потерял, и из Хамкина Владимира Георгиевича стал Ивановым Владимиром Фёдоровичем. Так что понятно, почему родные так и не смогли его найти.

Владимир окончил железнодорожное училище, работал слесарем, шофёром, электриком, отслужил срочную службу в армии. А после службы приехал в Первоуральск, не ведая, что он-то и есть родной ему город. Здесь Владимир Фёдорович живёт уже двенадцать лет, работает сцепщиком в железнодорожном цехе Новотрубного завода. С женой Лидией растят четверых детей.

А другая семья живёт в Ирбите. Нелёгкой выдалась жизнь и у бабушки Владимира Анны Тарасовны Хамкиной, но эта милая и добрая русская женщина воспитала девятерых детей, двое – Георгий и Никита погибли в Великую Отечественную войну. Остальные сами растят детей и внуков. Старшая дочь Елена Григорьевна Кобелева – агроном, живёт с матерью, сейчас на пенсии. Давид Григорьевич – строитель, прораб, участвовал в возведении высотного здания МГУ на Ленинских горах, теперь тоже на пенсии в Сочи. Учитель Иван Григорьевич – житель Ташкента. В Краснодаре, Пицунде, Харькове работают или уже вышли на пенсию Михаил Григорьевич, Агриппина Григорьевна. Мария Григорьевна, Наталья Григорьевна, и дети их, внуки Анны Тарасовны, тоже, как она говорит, “при деле” – работают и учатся.

Непросто было Анне Тарасовне воспитать столько детей. Помогало государство, взявшее на себя значительную часть расходов и забот. Анне Тарасовне – 85 лет. Живёт она в благоустроенной квартире на Пролетарской улице в Ирбите. Несмотря на возраст, бодра и ещё помогает дочерям в домашних заботах. Володю она искала долго, писала в разные инстанции. Но кто и как мог бы узнать его часто менявшийся адрес?!

В первый раз розыск родных Владимир начал ещё в 1957 году. Написал в Верхотурье, откуда прислали свидетельство о его рождении – так Владимир узнал, кто он. Но дальнейшие многолетние поиски не принесли успеха. В сентябре нынешнего года Владимир Иванов написал в редакцию газеты “Уральский рабочий”. 29 сентября с. г. была опубликована очередная подборка писем с нашим постоянным заголовком “Если кто-нибудь знает...”, в которую мы включили и просьбу Владимира. Тогда-то редакция и получила письмо, написанное неровным почерком Анны Тарасовны. Как всегда, была проведена необходимая проверка, после чего последовал наш звонок в Первоуральск В. Ф. Иванову. На том конце линии раздался неровный от волнения голос Владимира Фёдоровича: “Спасибо, еду! Извините, в голове туманится”.

И вот встреча в Ирбите – слёзы, радость, расспросы... Какие главные слова говорят люди, нашедшие друг друга через столько лет разлуки? Те, с которыми все мы появляемся на свет, – самые простые и самые великие: слова о семейных узах, о сыновней любви, о горе и радости... Было застолье, песни, долгие, чуть сумбурные разговоры. Со стороны смотреть – и не разлучались вовсе, а так, собрались на обычное семейное торжество. Просто семья теперь стала больше и полнее.

1971 г.

2. Мать и сын

После встречи в Ирбите с бабушкой Анной Тарасовной Хамкиной Владимир Фёдорович Иванов даже растерялся: у него, считавшегося круглым сиротой, оказалось очень много родни: дяди, тётки, двоюродные братья и сёстры

ры – в Ирбите, Белоярке, Свердловске, Краснодаре, Ташкенте, Жданове, Сочи, Пицунде, Ленинграде... В отпуск Иванов съездил с семьёй на Кавказ, и родные оказали ему такой тёплый приём, что когда у нас в редакции он рассказывал о встрече, его голос дрожал от волнения.

Владимир Фёдорович (будем называть его так, как он сам себя называет и как записано в нынешних его документах) работает сцепщиком в железнодорожном цехе Первоуральского новотрубного завода. На этом же предприятии трудится его жена Лидия. Владимира Иванова ценят в коллективе – за доброту, отзывчивость, всегдашнюю готовность помочь. Бывший беспризорник стал достойным, уважаемым человеком. Но судьба приготовила Владимиру Фёдоровичу ещё одно испытание.

Читатели, возможно, заметили, что, говоря об отце Владимира, его бабушке, других родственниках, мы пока ни слова не сказали о матери. Поначалу и сам Иванов знал лишь то, что у его родителей “жизнь не пошла”. Отец погиб на фронте, а что с матерью, где она, оставалось только гадать.

Говорят, дети – не судьи родителям. Не поладили отец и мать? Но он-то, Владимир, тут не при чём. Отец погиб, а где мать? Неужели он так ничего и не узнает о ней? Владимир Фёдорович решил искать.

Надежда, что мать, прочтя об Иванове в газете “Уральский рабочий”, сама откликнется, так и не оправдалась. Оставался другой путь: долгих расспросов, кропотливого изучения архивных документов. В. Ф. Иванов всё свободное время проводил в Первоуральском городском загсе, паспортном столе, рылся в архивах вместе с работниками этих учреждений, охотно помогавшими ему. Он переговорил с десятками, если не с сотнями старых горожан в надежде найти хоть какую-нибудь зацепку для поисков.

Шаг за шагом Владимир Фёдорович шёл к цели, узнавал всё больше, и, наконец, наступил день, когда он подошёл к междугородному телефону и, страшно волнуясь, осекшимся голосом спросил:

– Мама, это ты?

Да, это была она, мать Иванова. Фамилия у неё другая, не такая, как теперь у сына, и не та, что носил его отец. Живёт эта женщина тоже в Свердловской области, то есть долгие 33 года разлуки мать и сын были не очень далеко друг от друга.

Владимира мать не искала. Не потому, что не надеялась найти. Думаю, её должно было останавливать другое: какими глазами посмотрела бы на сына, что сказала бы ему она, главная виновница того, что Вовка при живой матери попал в Дом ребёнка, а затем испытал столько бед?!

Когда Георгия Хамкина, отца Владимира, призвали в армию, у его 22-летней жены, оставшейся с двумя детьми, не стало хватать времени на них. От плохого ухода заболела и умерла одиннадцатимесячная Руфина. Неважно выглядел и Вовка. По словам родственников Георгия, тогда и состоялся суд, лишивший его жену родительских прав. Правда, документы, свидетельствующие об этом, не сохранились. Впрочем, теперь не так уж важно, был суд или нет. Ясно, что Георгий Хамкин имел моральное право, спасая сына, устроить его в детский дом. А жизнь матери Владимира стала, в конце концов, трагедией. Но она сама выбрала такой образ жизни, предав и сына, и дочь. В старости человек пожинает плоды всей своей жизни. Любой наш поступок и проступок рано или поздно обязательно напомнит о себе, станет прибрежением или потерей, обернётся благодарностью или расплатой. Честь берегут смолоду – эту простую и великую истину никому не дано попирать безнаказанно. И чтобы напомнить о ней ещё раз, предостеречь иных заблуждающихся, я и решился обнародовать эту историю. С согласия Владимира Иванова, разумеется.

Большой, позабытой людьми – такой нашёл Владимир Фёдорович свою мать. Она ждала его у аэропорта. Увидев фигуру одинокой женщины, Иванов сразу понял, кто это. Поздоровались, назвали себя. Потом пошли, и женщина, бывшая мать, торопливо семенила рядом с бывшим сыном, стараясь заглянуть ему в глаза. Пришли в дом, старый, запущенный. Долго не могли начать разговор. Потом Владимир Фёдорович что-то спрашивал, мать отвечала и опять торопилась, стараясь угодить Владимиру. Она как-то несмело, заискивающе дотрагивалась до сына. Потом плакала, спрашивала, как поживает Георгий – так и не знала о его гибели на фронте, фальшивя, говорила, что Володьку всегда-всегда считала лучшим из своих детей. Было горько и больно.

Владимир Фёдорович смотрел на мать, верил и не верил, что вот и конец его долгим поискам, что именно к этой минуте, к этой встрече он стремился всю жизнь

К этой, но не к такой встрече!

Люди говорили Иванову: найдёшь мать – пожалеешь, что искал. Он понимал их, почти соглашался. Почему же всё-таки поехал, зная наверняка, что ничего иного его не ждёт, кроме новых неприятных переживаний? Зачем четыре дня выслушивал густо приправленные слезами душеизлияния опустившейся женщины, по сути, давным-давно ставшей ему чужой? Наверное, осуждая её, давшую ему жизнь, но не захотевшую или не сумевшую стать матерью, он в глубине души очень жалел её. Это чувство обострилось, когда Иванов увидел её нынешнее существование – одинокое прозябание, жизнь без смысла и цели. Думаю, с того момента поступками Владимира Фёдоровича во многом руководило сострадание, без которого и осуждение не бывает полным и честным. Вообще человек, не испытывающий сострадания и жалости, сам душевно груб и глух, лишён способности остро ощущать доброе и злое и, самое главное, не может сознательно делать добро, без чего, собственно говоря, вообще нет нравственности. Не желание забыть прошлое, не всепрощение продиктовали Иванову, что делать. Он и только он мог по-настоящему помочь этой женщине, которая его родила, но так и не стала ему настоящей матерью. Зато Володя, пусть и без её участия, вырос прекрасным сыном и настоящим мужчиной.

Владимир Фёдорович снова собирается к матери: “Дом надо отремонтировать и вообще привести в порядок, погреб выкопать. Ну, и дел там очень много”, – сказал он мне. Так что его мать впервые в своей путаной жизни увидит невестку и внуков, ощутит их заботу и ласку...

Четверо детей Владимира Фёдоровича Иванова растут душевно тонкими и нравственно сильными людьми – в отца.

1972 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЖИЗНЬ

1. Военврач Пластов

На фотокарточке молодой мужчина лет двадцати пяти. Антонина Андреевна смахивает слезу и тихо говорит:

– Это мой муж, Пластов Александр Иванович. С первого дня войны ничего о нём не знаю.

Чуть раньше в газету “Уральский рабочий” пришло письмо. Бывший партизан Великой Отечественной войны Виктор Станиславович Орловский из Витебска просил разыскать родственников Александра Ивановича Пластова. “Я очень хорошо знал его, – писал В. С. Орловский. – В первые недели войны он спас десятки людей”.

После публикации письма Орловского в обзоре “Если кто-нибудь знает...” и пришла в редакцию Антонина Андреевна...

Сформированная на Урале 153-я стрелковая дивизия первый бой приняла под Витебском. Усталым, измотанным сражениями бойцам пришлось отступать к Смоленску. Раненых везли на автомашинах, на лафетах орудий и крестьянских телегах. В те дни над колоннами воинов прошлестело слово “окружение”. Комдив Н. А. Гаген принял решение разорвать фашистское кольцо. Для этого передевшая дивизия должна была напрячь все силы ради быстрого броска вперёд. Но как быть с ранеными?

Выход представлялся единственным: всех, кто сам не может передвигаться, оставить в местных сёлах. Как свидетельствует бывший начальник контрразведки дивизии С. С. Захаров, живущий в Ростове-на-Дону, “нетранспортабельных раненых разместили в населённых пунктах Высочаны, Бабиновичи, Осинторф и других – всего 1764 человека”. А дивизия, разорвав кольцо окружения, соединилась с действующими советскими воинскими частями.

Госпиталь в Высочанской участковой больнице ничем не отличался от других госпиталей. Тесно? Да. Рассчитанная на 30 коек больница вместила 200 че-

ловек – в палатах, коридоре и даже во дворе. Утром, как положено, процедуры, перевязки. Военврач Пластов и санитарструктор Беккер сбивались с ног: кроме них двоих оставались лишь медсёстры. Были ещё повар Сосновская и конюх Прудников. Помогать пришёл юный счетовод соседнего совхоза “Крынки” Витя Орловский. А раненые всё прибывают: местные жители находят их на местах сражений и везут в больницу. Пластову стала помогать военврач Нина Новицкая: чуть только оправившись от собственной раны, она смогла лечить других. Позже сюда пришли врачи А. Е. Горелышева, минчанка, не сумевшая эвакуироваться, и А. Н. Мамонова, оставшаяся в Высочанах из-за беременности.

Фашисты пришли в село в десятых числах июля.

– Кто есть тут? Руссише зольдатен ист? Коммунистен ист? Юден ист? – отрывисто спрашивал офицер.

Бледный от волнения Пластов стоял, широко раскинув руки, словно защищая раненых.

– Коммунистов и евреев нет, – ответил он. Славе Беккеру Пластов ещё раньше приказал спрятаться.

Прокричав что-то ещё, гитлеровец уехал. Славка, понимавший по-немецки, объяснил: этим некогда заниматься госпиталем – фронтовая часть. Но потом придут полевая жандармерия и гестапо... После визита фашистов Пластову стало ясно: раненых надо прятать. До этого ещё теплилась надежда: может, не тронут? Ведь есть же международные нормы обращения с ранеными. Все надежды перечеркнули известия о расправах с нашими бойцами в других сёлах.

Свидетельствует С. С. Захаров:

– Под Смоленском ко мне доставили солдата Зацепина, одного из тех 1764 воинов, оставленных нами в разных сёлах. Он рассказал: “Пришли немцы. Раненых расстреливали в палатах и во дворе. Впереди шёл немец с губной гармошкой, останавливался у койки и усиливал звук. Другой фашист палил из пистолета. А если звук гармошки был обычный, то не стреляли...”

В Высочанах гитлеровцам не удалось сотворить такую расправу. Некоторых бойцов смогли разместить у местных жителей. Вера Германова, например, спрятала танкиста Тонкушина, провоявавшего потом до конца войны. Других раненых выдавали за тифозных больных и даже за... рожиц: в родильном отделении, путаясь в женской одежде, лежали пехотинцы и артиллеристы. Вот что рассказывает бывший пациент этой больницы, бывший партизанский командир К. П. Фирсов, живущий в Подмоскovie:

– После ранения я потерял много крови. Меня разместили в “родилке”. Туда же положили больных детей. Ребяточки плакали – это создавало правдоподобную картину.

На какие только ухищрения ни шли Пластов и его преемница Горелышева. Развешивали объявления на немецком языке: “Внимание: тиф!” Умело маскируя пулевые и осколочные ранения, выдавали бойцов за штатских.

Но кончались медикаменты, не хватало и еды. Раненых кормили тем, что принесли жители Высочан и соседних деревень. Доставать лекарства Пластов поручил Орловскому. “Где доставать?” – спросил Виктор. “Поищи в других больницах. В домах у врачей поспрашивай”. Но без аусвайса, пропуска, нечего и думать куда-нибудь идти. Выручила больничная фельдшер Феня Сосновская: захватив яйца и масло, она бесстрашно пошла к коменданту соседней железнодорожной станции Крынки за аусвайсом. И получила его!

“Бесстрашно” – так можно сказать о каждом сотруднике Высочанского госпиталя. На квартире Сосновской Пластов спрятал радиоприёмник, и ночами они слушали Москву. Конюх Прудников собирал и прятал оружие, прежде находившееся при раненых. Позже оно пригодилось партизанам. Горелышева выдавала “липовые” справки о болезнях местным парням и девушкам, уже внесенным немцами в списки для отправки в Германию.

На попечении Пластова оставалось всё меньше и меньше раненых. Конечно, чтобы, как полагают, полностью вылечить их – об этом нечего было и мечтать. Но подлечив, поставив на ноги, им помогали переправиться к партизанам. Иные пробовали перейти линию фронта, чтобы снова попасть в действующую армию. К концу августа в Высочанской больнице из двухсот раненых осталась лишь небольшая часть тяжёлых. Пластов, скрывавшийся в семье местной учительницы вместе с майором С. Н. Полиганиным, тоже свердловчанином, мог появляться в госпитале с большими предосторожностями. Александра Ивановича заменила Анна Ефимовна Горелышева.

– Пластову стало известно, – вспоминала она, – что немецкая комендатура узнала о госпитале и что якобы всех раненых должны отправить в Витебск, в лагерь для военнопленных. Александр Иванович перестал появляться в госпитале. А тяжелораненые всё ещё лежали в родильном отделении. Немцев же в родилку не пустили, объяснив, что идут роды и вход невозможен. Что подействовало – мой властный голос или фразы на немецком языке, но гитлеровцы ушли. А Пластов через несколько дней перебрался в партизанский отряд.

Что ещё знаем мы о Пластове? Родился в Чувашии, жил в Свердловске, окончил Казанский мединститут. Сотрудники этого вуза сообщили, что, по архивным сведениям, Александр Иванович после окончания десятилетки участвовал в ликвидации неграмотности. Ещё знаем, что в 1930 году пятнадцатилетний Пластов вступил в комсомол, был секретарём сельской ячейки. К своим обязанностям относился исключительно добросовестно.

Обычная биография, привычные фразы. Но вдумаясь в это: к своим обязанностям относился добросовестно. Ведь именно таким он остался и в войну на оккупированной территории. Обязанность военного врача – лечить выбывших из строя бойцов. И Александр Иванович делал это, прячась от оккупантов и полицаев, пряча от них же раненых. Долг, добросовестно исполненный до конца в невероятных трудных обстоятельствах, – вот что такое подвиг Пластова. Попадись фашистам он, начальник подпольного военного госпиталя, конец был бы единственным – смерть: гитлеровские изверги не знали милосердия. Партизанская мать, 75-летняя Пелагея Ивановна Куликова рассказала, что в Высочанах постоянно стояла “вешаница для провинившихся”. Так, гитлеровцам удалось схватить врача А. Н. Мамонову. Об этом мне рассказали боевые товарищи Пластова – партизанский командир Иван Иванович Казанцев и его жена, партизанская разведчица Анна Васильевна, которые сейчас живут под Оршей:

– Мамонову фашисты расстреляли. У неё было четверо детей – мальчик семи лет и тройня близнецов, родившихся уже в Высочанах. Бросив мёртвую Анну Николаевну в яму, фашисты стали убивать её детей. Двух мальчиков ударили головками друг о друга и швырнули на труп матери. Старший мальчик понял, видно, что и его убьют, вырвался и побежал. Так полицай, холуй немецкий, догнал его на огороде и убил рукояткой пистолета. А потом поволок за ножку к могиле.

Нет слов, боль и гнев! Никогда не забывать, всегда помнить это, детям и внукам передать рвущую сердце ненависть к фашизму и фашистам...

А Пластова немцы расстреляли 5 марта 1942 года. В партизанах он пробыл полгода. Сначала их было 14 человек – одна из первых групп будущей партизанской бригады “Алексея” – Героя Советского Союза А. Ф. Данукалова.

В Хотемлянском лесу они вырыли землянку. Кроме Пластова, в группу вошли уральцы Казанцев, Аверин и Беккер, местные Блохин и Селиваненко... Загорались управы, летели под откос поезда. Взрывчатку первые партизаны выковыривали из снарядов. Потом приспособились нагревать снаряды на печи: тол помаленьку вытекал. Хоть качество было, конечно, хуже, но и этот тол использовали по прямому назначению. Ещё разогнали в Мисниках собранный немцами огромный гурт овец, напали на пушечные гитлеровцами предприятия, сожгли два транспортных самолёта...

Казанцева ранили в ноги. Прятал его Аверин, а лечил Пластов: пинцетом вытаскивал осколки, достал бинты, лекарства. Потом пришлось оказывать такую же помощь и Аверину. Александр Иванович всегда был бодрым, смелым и надёжным товарищем.

Гитлеровцы схватили его в деревне Иванькове. Партизаны остались на ночь, а тут – каратели. Блохин и Пластов пошли на прорыв. Им удалось проскочить немецкий пост, но Пластова всё же заметили. Пока гитлеровцы его ловили, другие партизаны смогли уйти... Даже своей смертью Александр Иванович спас товарищей.

Готовя к публикации материалы о Пластове, я запрашивал различные архивы. Увы, ответы были одинаковыми. Из архива Министерства обороны СССР: “В списках погибших не числится”. Из архива военно-медицинских документов: “В архивно-справочной картотеке не состоит”... Тридцать четыре года ничего не знали об Александре Ивановиче его жена Антонина Андреевна и дочь Людмила: на все запросы они получали отрицательные ответы. Анто-

нина Андреевна все тридцать четыре года выписывает и внимательно читает “Медицинскую газету”, всё же надеясь: а вдруг встретит фамилию Пластова... Дочь никогда не видела отца: родилась в самый канун войны.

Людмила сейчас инженер, работает на Свердловском заводе резино-технических изделий. У неё своя семья, и её дети, внуки Пластова, будут знать правду о дедке. Она дорога и всем нам. Нет больше пропавшего без вести военврача, а есть погибший герой, подвигу которого, его высокой самоотверженности будут подражать живые.

У Высочанской больницы заложен памятник погибшим медикам. Главврач А. Г. Антонов попросил меня прислать фотокарточку Александра Ивановича, чтобы повесить её, увеличенную, в больничном корпусе. Так врач Пластов вернулся в Высочаны накануне великого праздника – 30-летия Победы. Для её достижения он тоже сделал всё, что возможно. И что невозможно – тоже.

1975 г.

2. Партизан Поликанин

Очерк “Возвращение в жизнь” напечатан в газете “Уральский рабочий” 6 апреля 1975 года. В нём рассказано о военвраче 153-й стрелковой дивизии Александре Ивановиче Пластове. Оставшись с ранеными на оккупированной фашистами территории в селе Высочаны Витебской области, Пластов организовал подпольный госпиталь и вместе с другими медиками лечил красноармейцев, помогал им избежать плена. Потом Александр Иванович и сам ушёл в партизаны... Одним из боевых товарищей Пластова был свердловчанин Сергей Николаевич Поликанин. Установить его личность оказалось весьма непросто.

В белорусских сёлах, вспоминая о Пластове, мне называли и фамилию Поликанина. Бывший партизан В. С. Орловский, живущий в Витебске, рассказывал, что и он сам вместе с Пластовым одно время скрывался у Высочанской учительницы Александры Евсеевой. Потом воспоминания Орловского дополнили бывшие партизаны Н. А. Аверин, И. П. Казанцев, А. В. Казанцева, партизанская мать П. И. Куликова. И хоть они помнили не все детали, образ бесстрашного бойца вырисовывался всё чётче и чётче.

Был Поликанин высокого роста – около двух метров, носил рыжую бороду. О себе мало что сообщал. Самые близкие товарищи знали, что на фронт Сергей Николаевич прибыл из Свердловска в составе 153-й стрелковой дивизии, при бомбёжке был ранен в бок и по этой причине остался в Высочанской больнице “под немцами”. Покориться же им Поликанин не мог и не хотел. Он, Пластов и ещё 12 человек ушли в лес партизанить. Чуть позже группа разделилась на две – это были первые ростки будущей партизанской бригады “Алексея” – Героя Советского Союза А. Ф. Данукалова.

Умный, бесстрашный – такими эпитетами наделяют С. Н. Поликанина те жители витебских сёл, кто его запомнил. Говорят, приходил он в деревни, звал мужчин в лес: “Что ж вы, немцев боитесь? Бить их надо – и на фронте, и здесь, в тылу. Скоро покатыся фашисты назад”.

Об одной из таких бесед рассказал учитель истории Крынковской средней школы А. В. Королёв:

– В Чернышах собралась вечеринка: жить-то было очень невесело! Народу много пришло. Ну, самогонка там была, музыка какая-то... Вдруг, трах-бах – выстрел! Потом дверь распахивается – стоит на пороге высоченный мужик в полушубке, бекеше, с двумя пистолетами и гранатами. А с ним ещё двое – одного звали Василий Дмитриев.

Пришедший (это и был Поликанин) командует:

– Мужчины налево, женщины направо!

Разделились тихо. Поликанин речь произнёс:

– Идёт война. Надо фашистов бить, а вы вечеринки устраиваете. Если ещё устроите, мы придём, хату подожжём...

Девчата (хором):

– Мы не будем устраивать.

Поликанин:

– То-то... Передайте властям, что им нас никогда не поймать. А вы, мужики, к нам подавайтесь.

Может, из-за такой вот агитации, может, ещё из-за чего, но многие считали Поликанина майором, а в одной из витебских газет его даже называли коман-

диром полка. Но офицером Сергей Николаевич не был, его воинское звание – старшина. Через год после публикации очерка “Возвращение в жизнь” в редакцию “Уральского рабочего” прислал письмо житель города Верхнего Уфалея Челябинской области Павел Васильевич Потапов, ветеран 435-го полка 153-й дивизии. С помощью Потапова и удалось выяснить, кем же был Поликанин.

Перед войной полк квартировал в Свердловске. После финской кампании в часть прибыл старшина-сверхсрочник С. Н. Поликанин. До начала Великой Отечественной войны он прослужил в армии 14 лет, участвовал ещё в боях на КВЖД – Китайско-Восточной железной дороге и в войне с белофиннами. Поликанина назначили старшиной роты, а потом перевели заведовать красноармейской столовой. На фронте Поликанин снова стал старшиной роты, поскольку, как выразился П. В. Потапов, “там в полках столовых не существовало”. В первых числах июля 1941 года Поликанина ранило, и он попал в Высочанскую больницу.

Все, кто помнят этого мужественного человека, называют его хорошим командиром, отзывчивым товарищем. Деревенские мужики любили с ним разговаривать. Человек бывалый – конфликт на Китайско-Восточной железной дороге и финская кампания стали ему крепкой школой. Сергей Николаевич не растерялся и в оккупации. Возглавив группу партизан, Поликанин организовал сбор оружия. В Хотемлянском лесу вырыли землянку, по всем правилам устава несли караульную службу – бывший старшина роты знал своё дело. Конечно, крупных диверсий первые партизаны устроить ещё не могли, но успели принести вред гитлеровцам. Рвали мосты на шоссе Витебск – Смоленск, сожгли два транспортных самолёта, сделавших вынужденную посадку под Хотемлёй. Фашисты организовали в сёлах полицию, и партизаны нападали на полицейских и на управы. Обстреливали поезда: били по паровозам, чтобы остановить составы.

Но куда больше, чем боевыми действиями, приносили вред гитлеровцам первые партизаны самим фактом своего существования. Немцы рассчитывали покорить мирное население, держать его в страхе, а оно не хотело быть мирным, и когда прослышали деревенские мужики, парни и даже девушки о боевых партизанских отрядах и группах, потянулись к ним. Мне называли десятки имён тех, кто ушёл в лес бить врага. Партизанская мать Пелагея Ивановна Куликова отправила в лес дочь Надю. И, рассказывая о том времени, кивала в окно: “Из той вон хаты двое ушло. А дальше, видите, полицай жил, зверюга”. И вспомнила:

– Пришли к нам партизаны. Курят, расспрашивают. А тут полиция. Я партизан – в подпол. А сама с Надей – она ещё дома жила – за самокрутки: в хате-то дым. Вошли двое полицейских, спрашивают: “Вы что накурили?” Надя нашлась: “Жрать нечего, так хоть курить будем”...

Фронт проходил через деревни в буквальном смысле слова. Избы партизанских семей стояли рядом с избами полицейских, и последние далеко не всегда решались трогать партизанскую родню: мужики из лесу придут – отомстят!

В деревне и погиб Поликанин. Весной 1942 года он с группой пришёл в деревню Заболотье. С чердака раздался выстрел: это стрелял хозяин дома Гончаров, тяжело ранив Сергея Николаевича в голову. Товарищи унесли Поликанина в лес, и на третьи сутки он скончался. Житель Хотемли Александр Томашов сделал гроб, и партизаны похоронили друга в километре от деревни... Спустя некоторое время фашисты расстреляли Томашова: узнали через предателя, кто делал гроб.

Товарищи Поликанина отомстили за его смерть. Они окружили дом предателя Гончарова, и тот поплатился своей жизнью за убийство партизана. Но куда большей мезтью за смерть Поликанина, Пластова и других наших офицеров, красноармейцев и партизан были крепнущие ряды народных мстителей. Из первых партизанских групп образовались крупные отряды, потом соединения, и лесные сражения, а также война на рельсах приняли в Белоруссии небывалый размах.

У Высочанской больницы недавно поставлен памятник. Среди других на нём высечены и имена наших земляков – Александра Ивановича Пластова и Сергея Николаевича Поликанина.

У Поликанина в Свердловске оставалась жена Лидия. Будто бы работала она машинисткой в штабе округа. И ещё была здесь сестра Поликанина, работавшая, как утверждают, в горкоме комсомола... Спустя некоторое время

сестру удалось найти. Невысокая сухая старушка – Екатерина Николаевна Мальцева, вытирая слёзы, рассказывала мне о брате. Сама она столько лет ничего не знала о его судьбе. Но верила, что он ничего не сделал худого, не мог сделать. И верно: Сергей Николаевич бился с врагом, как подобает настоящему русскому мужику.

Екатерина Николаевна воспитала четверых своих детей и двух сестринных: её муж погиб на фронте, а сама сестра вскоре умерла. “А детей я в войну всех сохранила”, – с гордостью сказала мне Мальцева. Кроме того, она 25 лет безвозмездно сдавала кровь раненым и больным. На встречу с корреспондентом Екатерина Николаевна надела значок “Почётный донор СССР”, который, право же, следует считать очень высокой наградой. . .

Теперь Екатерина Николаевна, которой в будущем году исполнится семьдесят лет, собирается съездить в Витебскую область на могилу брата. Знаю, там её встретят радушно и главврач Высочанской больницы Алексей Гаврилович Антонов, и учитель Крынковской школы Александр Васильевич Королёв, и бывшие партизаны – друзья Поликанина, которого все они хорошо помнят. Долго помнят именно таких людей. Преломляясь в сознании каждого из нас, их дела, поступки, мысли, проявления чувств формируют наш собственный духовный облик. Памятью о таких людях народ крепит собственное нравственное здоровье.

1977 г.

3. Мать солдата, дочь солдата

Деревня Липовка стоит на краю Горьковской области, в десятке километров от Чувашии и Мордовии. Две сотни изб взбежали за овраг, на взгорок, весело смотрят цветными наличниками. Деревья усыпаны грачиными гнёздами. Весенним паром закипает талый чернозём.

Невысокая худощавая старушка протягивает ладонь: “Пластова”. Ладонь подрагивает. Позже Пелагея Александровна скажет: “Очень испугалась я”.

В Липовку я приехал с ответственной миссией: рассказать матери о погибшем сыне и рассказать читателям газеты о матери павшего воина.

Пелагея Александровна живёт в небольшой избе вдвоём с младшим сыном-инвалидом. Двое старших не вернулись с войны. Об одном, Вениамине Ивановиче, сообщили, что он погиб, о другом, Александре Ивановиче, – что пропал без вести. Куда бы ни писала мать, ответ был один: “В списках не значится”. 36 лет она ничего не знала о его судьбе. Последний раз видела Александра весной сорок первого года: он приезжал хоронить отца. Своего отца Александр, скорее всего, и не помнил: красноармеец Иван Пластов погиб в гражданскую войну, когда сыну Саше было всего пять лет.

За два года до Великой Отечественной войны Александр Иванович Пластов окончил Казанский медицинский институт. Служил военврачом в Свердловске, в одном из полков 153-й стрелковой дивизии. Уже в конце июня сорок первого года дивизия вела бои под Витебском. Когда пришлось отступить, часть раненых оставили в селе Высочаны, а для их лечения – врача Пластова.

Александр Иванович до конца выполнил свой врачебный долг. На оккупированной фашистами территории он вместе с другими медиками выходил раненых и с ними же ушёл в партизаны. Но позже немцам удалось схватить его, и 5 марта 1942 года фашисты расстреляли военврача.

О подвиге Пластова газета “Уральский рабочий” рассказывала в очерке “Возвращение в жизнь” 6 апреля 1975 года. Установить судьбу Александра Ивановича вашему корреспонденту помогли жители Высочан и других сёл Витебской области. Спустя два года этот номер “Уральского рабочего” привезла в Липовку односельчанка, которой газета случайно попала на глаза в её свердловской командировке. А потом в редакцию пришло письмо с подписью: “мать Пластова”. Так удалось побывать в родном селе Александра Ивановича и познакомиться с его родными и близкими.

... Изба Пластовых чиста, опрятна. Кровать, стол, русская печь. Портреты сыновей на стене, писанные маслом, – работа отчима Василия Евгеньевича, сельского учителя и художника-самоучки. Александр – в расстёгнутой на ворота рубахе, с гордым чубом. И характер чувствуется: нетерпение, порыв. . .

– Боевой парень, – соглашается Пётр Григорьевич Кузнецов, секретарь колхозной парторганизации. – Я-то хорошо его помню. Умный был, мы счи-

тали, что далеко пойдёт: из деревни, а институт окончил – тогда из односельчан мало кто получал высшее образование.

Пелагея Александровна выучила всех детей. Настойчивость Александра, его работоспособность – от неё. Вся жизнь она трудится. В войну женщинам, конечно же, забот досталось с лихвой: Пластова работала в поле на всяких должностях – и бригадиром была, и плуг с другими женщинами таскала. Но то особая пора. А Пелагея Александровна и сейчас работает, без дела сидеть не может. Конечно, трудится не в колхозе, но со своим хозяйством сама управляется, и дом её не хуже соседских. Пчёл держит, говорит: “Я сорок лет пчеловод”. “Трудно?” – спрашиваю. “Да уж привыкла, – ответила Пелагея Александровна. – Годы, конечно, не молодые, но не сидеть же сложа руки”. А ей уже восемьдесят второй пошёл. Смотрит она прямо, говорит сдержанно. Вся деревня зовёт её тётей Полей. К ней бегают за советами, а то и за утешениями. Сноха, вдова Вениамина, души в свекрови не чаёт. Ещё одна родственница называет Пелагею Александровну нянькой – в старинном, ласковом смысле этого слова: в русских деревнях младшие братья и сёстры издавна называли нянькой старшую сестру. Моя мать так же величала свою Надежду.

Мудрая, добрая, всё умеющая, всё понимающая русская женщина Пелагея Александровна Пластова... “Тётя Поля у нас самая красивая”, – сказал шофёр Иван Григорьевич, и понять его нетрудно: на Руси всегда ставили на первое место и ценили именно нравственную красоту.

В Липовку мы приехали вместе с дочерью Александра Ивановича Пластова – Людмилой, свердловским инженером-химиком. Она родилась перед самой войной, никогда не видела отца, о его судьбе тоже ничего не знала, пока не прочла статью в газете. И так уж получилось, что бабушка, мать Пластова, о внучке тоже мало что ведала... Узнав в редакции “Уральского рабочего”, что стал известен адрес матери Александра Ивановича и что корреспондент собрался ехать туда, Людмила заволновалась: “И я поеду!” Пелагея Александровна обрадовалась внучке, хоть и говорила позже, что испугалась. Испуг был по-деревенски прост: сумеет ли, как надо, принять образованную городскую женщину. И уже через час сидели они вместе за столом, мать солдата и дочь солдата, слушала одна другую, плакали, а в избу потянулись родственники и соседи: “Здравствуй, милая, с приездом! Ну-у, вылитая – отец...” Будто и не было 36 лет неведения, и деревня только и ждала приезда дочери Александра Пластова.

А назавтра в клубе бабушку с внучкой посадили на сцену, в президиум, и школьники – все классы слушали рассказ вашего покорного слуги о военной судьбе Александра Ивановича Пластова. То есть предполагалось, что будут только школьники, но по деревенским “каналам связи” о предстоящем выступлении быстро узнали все односельчане, и клуб заполнился до отказа. К Людмиле подходили, благодарили за приезд и ревниво спрашивали: “Ну, как наша Липовка?” А школьники взяли витебские адреса, чтобы узнать больше подробностей о партизанских делах Александра Ивановича Пластова.

В центре Липовки, рядом с правлением колхоза “Верный путь”, сельсоветом, школой и клубом стоит памятник. На его цоколе – 204 фамилии. Столько липовских мужчин не пришли с фронта. Двести пятым в скорбном списке станет Александр Иванович Пластов. Такова суровая арифметика Великой Отечественной – 205 погибших на двести изб. Конечно, раны войны со временем залечиваются, но далеко не все и не у всех. Нет уже разрушенных городов и сёл, давно заросли окопы, но в душах навечно остаётся неутраченная боль потерь.

А сколько их, таких Липовок, – в России, на Украине, в Белоруссии...

1977 г.